

Thesis), Nizhny Novgorod: NNGU.

3. Braun, V. (1992) Iphigenie in Freiheit. Frankfurt : Suhrkamp-Verlag. [in German]
4. Braun, V. (1990-1993) Leipziger Vorlesungen. Texte in zeitlicher Folge. 10 Bde. Halle. [in German]
5. Chiarloni, A. (1999) Warum nimmt Thoas am S. Remo-Festival teil? Nachdenken über Iphigenie im zehnten Jahr der Wiedervereinigung. Arbeitsbuch. Berlin : Hörnigk, Frank (Hg.), pp. 85–87. [in German]
6. Grauert, W. (1995) Furor melancholicus auf wüstem Planum oder Abschied von der Präzeptorrole. Ästhetische Modernisierung bei Volker Braun. Studien zu Texten aus den achtziger Jahren. Würzburg : Epistemata, pp. 166–206. [in German]
7. Hermann, C. (2005) Iphigenie Metamorphosen eines Mythos im 20. Jahrhundert. München: Martin Meidenbauer Verlagbuchhandlung. [in German]
8. Preußner, H. P. (2002) Die Iphigenien. Zur Metamorphose der „unerhörten Tat“, Euripides – Goethe – Berg – Braun. Mythen in nachmythischer Zeit. Die Antike in der deutschsprachigen Literatur der Gegenwart. Berlin/New York : Walter de Gruyter Verlag., pp. 22–43. [in German]
9. Visser, A. (1993) „Und so wie es bleibt ist es.« Volker Brauns Iphigenie in Freiheit: eine Dekonstruktion des deutschen Einigungsprozesses? Literatur und Politische Aktualität. Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik. Amsterdam/Atlanta : Ibsch, Elrud/Van Ingen, Ferdinand (Hg.), Bd. 36, pp.131–154. [in German]
10. Weder, K. (2001) Geschichte als Mythos. Zu Volker Brauns „Iphigenie in Freiheit“. Sprachkunst. Beiträge zur Literaturwissenschaft. Bd. 32, pp. 241– 255. [in German]

УДК 82.091

А. Л. Г л о т о в

Национальный университет «Острожская академия»

Социальнокоммуникативный дискурс античной культуры

Глотов О. Л. Соціальнокомунікативний дискурс античної культури. До виникнення засобів масової комунікації як історичного культурноцивілізаційного фактору функцію інформаційних каналів у давньогрецькій та давньоримській культурі виконувала література як соціальний, психологічний та освітній феномен. Формування єдиного соціуму вимагало єдності менталітету, що призводило до гострої соціалізації та політизації художнього слова. Гомер, Цицерон, Гораций були виразниками конкретного суспільного замовлення. Тексти Цицерона, Горация, Гомера сформували громадську думку, не тільки з тої причини, що вони були відомими діячами (хоча вони і були їм), та не тому, що вони були багатими або високого походження – ні, оскільки вони були естетично переконливими, логічно неперевершеними та психологічно достовірними.

Майстер художнього слова міг програти свою особисту битву за життя, але він, безумовно, виграв війну за справу, на яку він поклав своє життя. Митець тим самим створює певний соціальний і комунікативний дискурс. У цьому дискурсі людина стоїть над соціальним, оскільки суспільство складається з особистостей. Людина створює спільноту, регулює її, змінює її, якщо це необхідно – і це має бути основним досягненням всієї давньої культури.

Історія античної літератури не обмежується виключно конфронтацією та взаємодією основних творів літератури. Причина її існування незмірно більше, ніж суто художнє, емоційне та прагматичне, психологічне та освітнє. Таким чином, античний світ, очевидно, продовжує існувати багато тисячоліть поспіль, щоб стати підґрунтям для якомога більш різноманітних соціальних та естетичних ідей, що містять майже всі версії як художніх, так і соціальних комунікативних текстів.

Ключові слова: соціальна комунікація, антична культура

Глотов А. Л. Социальнокоммуникативный дискурс античной культуры. До появления средств массовой коммуникации как исторического культурноцивилизационного фактора функцию информационных каналов в древнегреческой и древнеримской культуре выполняла литература как социальный, психологический и образовательный феномен. Формирование единого социума требовало единства менталитета, что приводило к острой социализации и политизации художественного слова. Гомер, Цицерон, Гораций были выразителями отчетливого общественного заказа.

Ключевые слова: социальная коммуникация, античная культура

Glotov A. L. Sociocommunicative discourse of the ancient culture. Literature as a social, psychological and educational phenomenon performed the function of the information channels in ancient Greek and Roman cultures until the emergence of the mass communication as a historical cultural and civilizational factor. The formation of a single society required the unity of the mentality, and this led to the acute socialization and politicization of the artistic word. Homer, Cicero, and Horace were the spokesmen of a distinct public order. Their texts formed a public opinion, and they were formed not because they were famous generals or state actors (although they were also them), not because they were rich or noble – no, because they were aesthetically convincing, logically unsurpassed and psychologically trustworthy.

The master of the word could lose his personal battle for life, but he certainly won the war for the cause, for which he put his life in this glory, thus creating a definite social and communicative discourse. In this discourse, the person stands above the social because society consists of personalities. The person creates a community,

rules it, changes it, if necessary – and this is supposed to be the main conquest of the entire ancient culture. The history of ancient literature is not confined solely to the confrontation and interaction of the main types of works of literature. The reason for its treatment is immeasurably more than purely artistic, emotional, and pragmatic, psychological and educational. The antique world, apparently, therefore, continues for a hundred years in a row to be a ground for the cultivation of as diverse as possible social as well as aesthetic ideas, which contains almost all versions of both artistic and socialcommunicative texts.

Key words: social communication, ancient culture.

Говоря о социальнокоммуникативном дискурсе какоголибо конкретного исторического общества, мы подразумеваем неперемное наличие в нем средств массовой информации как обязательного канала для передачи этой информации: газет, журналов, радио, телевидения, интернета, наконец. Но все названные феномены суть категории сугубо технической цивилизации, где уже существует полиграфия, радиостанции, радиоприёмники, телевизоры, компьютеры. Из чего как бы следует, что журналистика как предметное воплощение социальнокоммуникативного дискурса – это примета исключительно нового и новейшего времени. И потому попытка рассмотрения в контексте любой дотехнической эпохи явлений, которые предположительно могли бы быть истолкованы как некие СМИ, априори являются антиисторической ересью, искажением объективной реальности и тому подобное. Авторы учебного пособия «*История мировой журналистики*», в частности, однозначно утверждают: «*Исторический опыт развития журналистики не так уж велик: зародилась она в начале XVII столетия в Европе*» [1:5].

Однако существует и другая точка зрения. В частности, *И.Л.Михайлин* пишет о том, что «*история журналистики — сверхсложная отрасль гуманитарного знания. Она шире политической истории, истории литературы, литературной критики, публицистики, истории идей и технологий. Она все эти истории включает в себя*» [5].

А студенты украинских журфаков изучают явления так называемой «протожурналистики античности»: «*Acta diurna*» на римском форуме, «Комментарии рерум новарум» Цезаря, парламентские вести «*Acta Senatus*». На досках «*Acta diurna populi Romani*» разыгрывались подчас драматические истории в стиле чёрного пиара, когда на сенатора *Тразеи* обрушились санкции императора *Нерона*, вычитавшего из заметки тогдашнего репортёра информацию о недостаточно почтительном отношении парламентария к властителю.

Неотъемлемой приметой античной демократии было существование института сикофантов, ведущих свои, так сказать, «журналистские расследования» явных или мнимых преступлений и неплохо живущих с доходов от обладания этой информацией. Античная богиня молвы – *Фама*, упомянутая у *Гомера*, *Гесиода*, *Вергилия*, *Овидия*, освящала своим покровом, как праведных

искателей истины, так и своекорыстных охотников за личным благосостоянием.

В монографии с весьма интригующим названием «*СМИ в Древней Греции*» *Коринна Куле* создает отнюдь не модную ныне альтернативную версию античной истории, в которой папарацци интервьюируют *Сократа* или подглядывают за интимной жизнью *Эсхила*. Конечно, пока не изобретена машина времени и нет возможности быстренько на уикенд съездить в гости к *Платону*, приходится доверяться исключительно письменным артефактам, но здравый смысл как опора любой гуманитарной науки подсказывает нам, что ни у *Перикла*, ни у *Октавиана Августа* не было прикормленных телеканалов, создающих требуемое общественное мнение.

Но кто же это общественное мнение создавал. Ктото ведь формировал публичную оценку тех или иных социальных факторов. Взаимоотношения между различными слоями населения были всегда, вне зависимости от уровня технического развития общества. Эта сфера принадлежит к разряду всеобщих и вечных. Как религия. Как любовь. Как инстинкт самосохранения, в конце концов. Бубен шамана или микрофон проповедника, любовная записка на берёсте или на экране новомодного гаджета, дубина в руках или кнопка в ядерном чемоданчике – суть одинакова. Первым журналистом был змей в райском саду: он позволил себе усомниться в однозначности законодательного акта и предложил провести по этому поводу социологический опрос. Так началась история человечества.

И неважно, что, как пишет *Куле*, «*поэмы (Гомера)...отражают цивилизацию, не знавшую письменности*» [3:22], главное, что они фиксировали цивилизацию, построенную на Слове. На коммуникации, на системе взаимоотношений: между людьми и между богами, между своими и между чужими, между прошлым и будущим. Мысль изреченная еще не стала ложью, она еще правила судьбами людей.

Речь, разумеется, не идет об абсолютной идентификации текста художественного и медиатекста, и даже, как замечает *Элеонора Шестакова* в монографии с красноречивым названием «*Теоретические аспекты соотношения текстов художественной литературы и массовой коммуникации*», «*речь не идет об общих истоках возникновения словесности из синкретического по своей сущности древнего культурного сознания, живущего мифом*» [6:22],

поскольку «два ведущих типа словесности, которые за этот длительный период сосуществования проявляли неоднократно интерес друг к другу, вступали в сложные и принципиально неоднозначные отношения» [6:22].

То, что в одном виде текста является функцией основной, в другом может претвориться в функцию факультативную. Но ведь это же можно говорить и при анализе текста сугубо художественного, текста эстетически наполненного, но в одном случае – относящегося к одному роду литературы, в другом – к иному.

И тогда то, что у писателя было эмоцией, порывом, лично прочувствованным намерением, у публициста превращается в профессию – и бытописатель становится репортёром.

И во множестве феноменов античной культуры отчётливо просматриваются тенденции к освоению функций медийного текста, к решению социальнокоммуникативных задач средствами эстетически выраженного художественного произведения.

Например, ораторская публицистика Демосфена и Цицерона была, с одной стороны, несомненной литературой в контексте традиций античного публичного слова, к которым принадлежала в равной мере и античная драма как искусство сугубо публичное.

Но с другой стороны она выполняла не менее выразительную общественнорегуляторную функцию, взывая к социальной справедливости, борясь с актуальными диктаторами (Демосфен – с династией Македонских, Филиппом и Александром, Цицерон – с Гаем Юлием Цезарем и Марком Антонием). Особую драматическую роль в их творческом облике играло единство слова и дела, они пошли до конца, отстаивая истинность высказанного мнения даже ценой жизни.

Они могли писать и произносить речи о политике и экономике, о текущей литературе и моральном облике правителя. Эстетический ранг этих текстов настолько высок, что они до сих пор изучаются как образцовые кальки логически, психологически и риторически совершенной суггестии. И одновременно именно их тексты формировали общественное мнение, и формировали не потому, что они были знаменитыми полководцами или государственными деятелями (хотя ими они тоже были), не потому что они были богаты или знатны – нет, потому что они были эстетически убедительны, логически непревзойдённы и психологически доверительны. Мастер слова мог проиграть свою личную битву за жизнь, но он обязательно выигрывал войну за дело, во славу которого он эту жизнь положил, создав тем самым вполне определённую социальнокоммуникативную концепцию. В этой концепции личность стоит выше социума, потому

что социум складывается из личностей. В этой концепции личность создаёт социум, правит им, выправляет его, если надо – и это, полагаю, главное завоевание всей античной культуры.

Общество формируется и крепнет только в процессе единения, в ходе образования общего менталитета – это аксиома. Она касается и античного общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что писатель как сын своего времени может озаботиться определенной актуальной проблемой и создать литературный текст, несущий прозрачный социальный заказ.

И вот некий эпический поэт эпохи восстановления и возрождения утраченной в битвах былых веков национальной идентичности решает собрать воедино под эгидой одного сюжета ключевые фигуры этнического мифа. Сюжет – некая победоносная война, благодаря которой мы как нация стали перспективны и плодотворны, а будем – еще более того.

Поэт знает, что в той войне всё было очень непросто, и свидетельств неоднозначности этой баталии осталось множество, и скрыть их невозможно. Но на то он и поэт, решает он, чтобы убедить читателя, что войну мы всё же выиграли. И поэт пишет «Илиаду». В которой мужественные легендарные ахеяне десять долгих лет добиваются до злополучной Трои. Потом снова десять не менее утомительных лет проливают кровь вокруг неприступных стен крепости. Потом Ахиллес жестоко убивает Гектора и зверски издевается над его телом. И всё – мы победили и враг бежит. Как хотите, но это явная пропагандистская агитка.

Особенно отчётливо это видно по второму тому эпоса – «Одиссее». Победоносный маршал коалиционных войск, благодаря хитроумию которого ахеяне, не вместились в первый том, вместились в троянского коня и разгромили таки Илион, возвращается домой. Автор прилагает титанические усилия для того, чтобы отвлечь читателя от того факта, что от черноморского побережья Малой Азии до острова Итака малой скоростью на прогулочной яхте – неделя ходу. Тем более – для победоносного маршала. Одиссей кружит по Эгейскому морю снова этих заколдованных десять лет. Десять проклятых лет шляются по морям и остальные героипобедители. И далеко не все приплывают в родную гавань. С большим трудом, в лохмотьях подкрадывается к родимому порогу и царь Итаки. С тем чтобы в пароксизме ярости перестрелять, как зайцев, ни в чём не повинных соискателей руки скорбной Пенелопы, даже не узнавшей через тридцать лет разлуки в бродяге законного мужа.

Автор, которого позже назвали Гомером, так увлёкся рассказыванием всевозможных чудес света, которыми полон любой национальный фольклор, что малость подзабыл сверхзадачу –

воспеть национального героя. Мастерповествователь, норовящий поразить воображение читателя своим искусством, борется здесь с агитатором-пропагандистом, решающим совершенно конкретную задачу – объединить в одну семью всех эллинских богов, выстроить понятную и логичную иерархию небесного воинства, благодаря чему гармонируется религиозное и социальное сознание нового эллина, вдохновлённого славными историческими победами легендарных героев былых времён. Если кто-то скажет, что такие художественные произведения не нужны в любой национальной литературе, или что таковых опять же в любой национальной литературе нет – то позвольте вам не поверить.

Гомер был первым в ряду как создателей национальных художественных энциклопедий, так творцов этнической ментальности. Надо только осознать, что сам автор не разделял свои ипостаси, а мы, как и положено исследователям, абсолютизируем и схематизируем эти неразделимые в своей эстетикосоциальной сути свойства.

Столь же адекватны были классики и римской литературы.

Квинт Гораций Флакк, юный гений, покровительствуемый могущественным Меценатом эпохи не менее могущественного Октавиана, практически с самого начала своего творческого пути знает, кого хулить в «Сатирах», а кого прославлять в «Одах».

Публий Вергилий Марон, набив руку на «Буколиках» и «Георгиках», совершил главное дело своей жизни – создал национальную легенду о достойном возникновении гордого римского народа. Основатель римлян не мог не быть антигреком, это было очевидным политическим вектором, и он стал им: троянец Эней преодолел все мыслимые и немыслимые преграды – и теперь римлянам есть на кого равняться.

Третий из золотой триады – Публий Овидий Назон – пострадал именно изза того, что возомнил, что поэту достаточно быть поэтом. Нет, сказал император Август, поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. И сослал его на холодный жуткий север – южное побережье Чёрного моря, мучиться и осознавать, что статус слуги народа всегда выше статуса вольного художника.

Естественно, история античной литературы не сводится исключительно к противостоянию и взаимодействию основных видов произведений словесности. Поводов для обращения к ней неизмеримо больше, как чисто художественных, эмоциональных, так и прагматических, психологических и образовательных. Античный мир, видимо, потому и продолжает которое столетие подряд быть почвой для взращивания сколь угодно разнообразных и социальных, и эстетических идей, что содержит в себе практически все версии как художественных, так и социальнокоммуникативных текстов.

Литература

1. Беспалова, А. Г., Корнилов, Е. А., Короченский, А. П., Лучинский, Ю. В., Станько, А. И. История мировой журналистики. / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский, Ю. В. Лучинский, А. И. Станько. – Москва – РостовнаДону: Издательский центр «МарТ», 2003. – 432 с.
2. Гаспаров, М. Л. Гомеровский эпос. // История всемирной литературы: В 9 томах. — М.: Наука, 1983— Том 1. — 584 с. — С.316–328.
3. Куле, К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия. / Пер. с франц. / К. Куле. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2004 – 256 с.
4. Матвейчев, О., Беляков, А. Троянский конь западной истории. /О. Матвейчев, А. Беляков. – СПб.: Питер, 2014. – 224 с.
5. Михайлин І. Л. Історія журналістики та проблеми її вивчення. Уроки одного підручника. – <https://kharkivnspu.org.ua/archives/3703>
6. Шестакова, Э. Г. Теоретические аспекты соотношения текстов художественной литературы и массовой коммуникации: специфика эстетической реальности словесности Нового времени. / Э. Г. Шестакова. – Донецк: НордПресс, 2005. – 441 с.

References

1. Bepalova, A. G., Kornilov, E. A., Korochenskiy, A. P., Luchinskiy, Yu. V., Stanko, A. I. (2003) Istoriya mirovoy zhurnalistiki [The history of world journalism]. Moscow. Rostov na Donu : Izdatelskiy tsentr Mart. [in Russian]
2. Gasparov, M. L. (1983) Gomerovskiy epos [Homeric epic]. Istoriya vseirnomy literaturyi: v 9 tomah [The history of world literature in 9 volumes], vol. 1. Moscow : Nauka. [in Russian]
3. Kule, K. (2004) SMI v Drevney Gretsii: sochineniya, rechi, razyiskaniya, puteshestviya [Media in Ancient Greece: essays, speeches, inquiries, travels]. Moscow : Novoe Literaturnoe Obozrenie. [in Russian]
4. Matveychev, O., Belyakov, A. (2014) Troyanskiy kon zapadnoy istorii. SPb.: Piter. [in Russian]
5. Mihaylin, I. L. Istoriiia zhurnalistyky ta problemy yii vyvchennia. Uroky odnogo pidruchnyka [The history of journalism and the problems of it's study]. Available at: <https://kharkivnspu.org.ua/archives/3703>

6. Shestakova, E. G. (2005) *Teoreticheskie aspektyi sootnosheniya tekstov hudozhestvennoy literatury i massovoy kommunikatsii: spetsifika esteticheskoy realnosti slovesnosti Novogo vremeni* [Theoretical aspects of the texts correlation of the of fiction and mass communication: the specificity of the aesthetic reality of the literature of the Modern History]. Donetsk : NordPress. [in Russian]

УДК 821.111(73) – 31 Керуак. 09

Д. В. Д ю р б а

Харківський національний медичний університет

Хронотоп замку в романі Дж. Керуака «Доктор Сакс»

Дюрба Д. В. Хронотоп замку в романі Дж. Керуака «Доктор Сакс». Категорія простору є важливою складовою частиною сюжетної, стилістичної та композиційної організації художнього твору. Одним із найважливіших елементів поетики романів Дж. Керуака є використання подорожі як метафори життєвого шляху, який проходить людина.

Дослідження хронотопу замку в романі «Доктор Сакс» дозволило виділити такі особливості поетики міфосимволічного моделювання світу Дж. Керуака, як: використання власне хронотопу замку, ірреального місця снів та видінь оповідача, якому сприяють образи надлюдських істот, введення образу змія як втілення світового зла та символіки смерті (образи шахт-могил, ріка смерті, власне вмирання людей, багатство темних кольорів, мотив дощу).

Ключові слова: простір, поетика, Керуак, хронотоп замку, символіка смерті.

Дюрба Д. В. Хронотоп замка в романе Дж. Керуака «Доктор Сакс». Категория пространства является неотъемлемым компонентом сюжетной, стилистической и композиционной организации художественного произведения. Одним из важнейших элементов поэтики романов Дж. Керуака выступает путешествие как метафора жизненного пути, проходимого человеком.

Исследуя хронотоп замка в романе «Доктор Сакс», мы выделили такие особенности поэтики мифосимволического структурирования мира, как: использование собственно хронотопа замка, ирреального места снов и видений повествователя, который дополняется образами сверхчеловеческих существ, введение образа змея, как воплощения мирового зла, и символики смерти (образы шахт-могил, река смерти, смерти людей, изобилие темных цветов, мотив дождя).

Ключевые слова: пространство, поэтика, Керуак, хронотоп замка, символика смерти.

Diurba D. V. The castle chronotope in J. Kerouac's novel «Doctor Sax». The category of artistic space is an indispensable text part of the piece of art. One of the metaphors for road is its goal, namely the search for material or spiritual values. However, sometimes the value of the road lies within itself. The road, the way are the important philosophical and aesthetic parts of American literature. The road usually has at least two points in space such as the beginning and the end. As a rule, various obstacles are between them, and the heroes overcome them to achieve their goal. Compared with it, representatives of the beat generation literature transform their views on the road.

The space category is an important part of the plot, stylistic, and compositional lines of the piece of art. Travelling as a metaphor for life journey people pass through is one of the topmost poetics elements in J. Kerouac's novel.

The image of the castle in the novel combines the features of a truly existing architectural structure with fantastic features. First of all, this is a description of the place where the castle is located. The irreality of the castle is emphasized by the numerous descriptions of the superhuman creatures that inhabit it – vampires, werewolves and others. The castle chronotope study in Doctor Sax allowed highlighting such features of the poetics of J. Kerouac's myth-and-symbolic world modeling as use of castle chronotope as such meaning the narrator's unreal dreams and place he sees them promoted by inhuman beings, use of serpent character as embodiment of world evil and death symbolics (visions of the mine-graves, the River of Death, People's Death, dark colors variety, rain motive).

Key words: space, poetics, Kerouac, castle chronotope, death symbolics.

Роман «Доктор Сакс» є малодослідженим на теренах вітчизняного літературознавства. Загалом більшість робіт, присвячених творчості письменника (праці Д. Брінклі, Р. Вайнрайх, Б. Гіффорда, Дж. Джонса, Т. Денисової, Є. Завадської, Т. Кларка, Т. Морозової, Е. Ошиньша, Дж. Тайтла, Дж. Трюдо, Т. Ханта та

ін.), сконцентровано переважно на біографічних, поетичних та жанрових аспектах роману «На дорозі», інші ж твори Дж. Керуака досліджено значно менше. Роман «Доктор Сакс» є важливим для творчості Дж. Керуака, він є одним із «найспонтанніших» за формою та найфантастичнішим за змістом серед творів